

«ДРУЗЬЯ МОИ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ!»

Друзья! вам сердце оставляю.

А. С. Пушкин

Согласно мысли Константина Эдуардовича Циолковского, самый лучший опыт души после смерти человека расплывён во вселенной. Мы живём в этаким океане неосознанного до времени добра. Флюиды эти свободно, но в разных сочетаниях попадают тому или иному человеку и укореняются в сердцах. Если нам повезло встретить близких по духу людей — значит, в них обитают те же душевные частицы, что и в нас. Подсознательно чувствуя родство, мы объединяемся в священный дружеский союз и благословляем жизнь за дарованное нам счастье сердечной дружбы.

Не каждый способен выразить свои дружеские чувства словами, но нас волнуют и радуют строки тех, кому это было дано. Искренней нежностью, гордостью и грустью наполнены строфы Александра Сергеевича Пушкина о его лицейских товарищах.

Они стали частью жизни друг друга в сложный период взросления, обретения первого жизненного опыта, оказались участниками и свидетелями развития творческих сил мятежной, одарённой сверх меры души их товарища — Александра Пушкина. Не все испытывали интерес к сочинительству, но, несомненно, любили художественное слово и осознавали незаурядность друга. Им выпали разные судьбы, но каждый остался в стихах поэта по праву сердечной привязанности.

По окончании лицея дороги развели однокурсников подчас далеко друг от друга. Потом жизнь ещё сводила их по различным поводам, и каждый насколько мог хранил верность юношеской дружбе.

Друзья вдохновляли поэта, и он оставил в веках память о них. В стихотворении «19 октября» упомянуты его самые близкие товарищи, вместе с которыми Фёдор Матюшкин и Николай Корсаков составляли священное студенческое братство. С отеческой заботой и тревогой поэт обращается к всеобщему любимцу с добрым нравом и бесстрашным сердцем — Фёдору Матюшкину.

Матюшкин расположил к себе лицейское общество буквально с первых дней. Преподаватели отмечали его добросердечие, любознательность, прилежание, понятливость. Так же скоро обнаружилась и тяга Фёдора к морю. Мечта о дальних странствиях исполнилась по окончании учёбы. Благодаря хлопотам директора Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардта состоялась встреча Матюшкина с легендарным русским мореплавателем Василием Михайловичем Головниным. И уже в июле 1817 года на военном шлюпе «Камчатка» под командованием Головнина Фёдор Матюшкин ушёл в кругосветное путешествие.

Жизнь Фёдора Фёдоровича наполнена испытаниями на пределе человеческих возможностей в годы экспедиций к восточным побережьям Северного Ледовитого океана под командованием Ф. П. Врангеля. Оценив заслуги Ф. Ф. Матюшкина, начальник экспедиции назвал один из мысов в Чаунской губе Восточно-Сибирского моря мысом Матюшкина. Именем его названа горная вершина на острове Врангеля в Чукотском море.

Вместились в долгую суровую судьбу Фёдора Фёдоровича Русско-турецкая и Крымская войны, а в целом — пятнадцатилетняя служба на Черноморском флоте. О многом мы знаем благодаря переписке Матюшкина с Е. А. Энгельгардтом. От него Фёдор Фёдорович, находясь в дальнем походе, узнал о декабрьском восстании на Сенатской площади.

Осенью 1836 года в Петербурге, в доме сокурсника М. Л. Яковлева, Фёдор Матюшкин наконец обнял Александра

И. Репин. «Пушкин на лицейском экзамене в 1817 году»

Пушкина. За долгие годы разлуки это была их первая встреча и последняя...

Трагическая весть о гибели друга поэта застала Матюшкина в Севастополе. Фёдор Фёдорович в отчаянии пишет Яковлеву: «Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев! Как ты мог это допустить?..» В нарушение устава Фёдор Фёдорович приказал на корабле, которым командовал, дать траурный залп из всех орудий.

Чины и награды не быстро находили Матюшкина, однако в отставку он вышел увенчанным заслуженным признанием. Но до самой смерти у него не было семьи и собственного дома. Под конец жизни Фёдор Фёдорович построил себе дачу невдале от Бологого. Там и скончался (по иным сведениям — в Петербурге) на руках старого слуги Андрея Романова в конце сентября 1872 года.

Русский исследователь, адмирал, сенатор Ф. Ф. Матюшкин был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище, но в середине 20 века его останки были перезахоронены в Некрополе мастеров искусств Александроневской лавры.

В стихотворении «19 октября» Александр Сергеевич обращается к Ф. Ф. Матюшкину:

*Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник*

беспокойный?

Иль снова ты проходишь тропик

знойный

И вечный лёд полуночных морей?

Счастливый путь! С лицейского

порога

Ты на корабль перешагнул шутя,

И с той поры в морях твоя дорога,

О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе

Прекрасных лет первоначальны

нравы:

Лицейский шум, лицейские забавы

Средь бурных волн мечтались тебе,

Ты простирал нам из-за моря руку,

Ты нас одних в молодой душе носил

И повторял: «На долую разлуку

Нас тайный рок, быть может,

осудил!

Николай Корсаков был годом младше своих товарищей — Александра Пушкина и Фёдора Матюшкина. И если Фёдор Матюшкин с первых дней снискал

доверие товарищей и приязнь педагогов, то Николай Корсаков не вдруг открылся в своих способностях.

Музыкально одарённому, не чуждому поэтического слова Корсакову принадлежит идея «издавать» рукописный журнал, в котором отражались события лицейской жизни и «публиковались» поэтические опыты товарищей. Тем самым Николай Корсаков положил начало общему увлечению, которому отнюдь не радовались педагоги, считая, что «журналистика» отвлекает воспитанников от учёбы.

Но куда большей славой Николай пользовался как музыкант. Он прекрасно играл на гитаре, положил на музыку несколько стихотворений Пушкина. Нежное стихотворение «К Маше» (посвящённое сестре А. Дельвига), облечённое в музыку Н. Корсакова, весьма охотно исполнялось в дворянских домах Царского Села. Многие полагали, что по темпераменту и душевным склонностям именно Николай Корсаков наиболее близок к Александру Пушкину.

Начиная учёбу подростком с довольно заурядными знаниями и способностями, Корсаков всё же снискал признание преподавателей и окончил Царскосельский лицей с похвальным листом «с правом на серебряную медаль».

Николай Александрович Корсаков поступил на службу в коллегию Министрства иностранных дел титулярным советником. Накануне отъезда в Италию на службу в русскую миссию он зашёл к Александру Пушкину, но не застал того дома. Е. А. Энгельгардту Корсаков тогда написал: «Еду в Рим, почтенный и любезный Егор Антонович. Бог знает, вернусь ли, Бог знает, увижу ль места, где провёл много счастливых и приятных дней...»

Он как будто предвидел свою кончину, хотя, вернее всего, его тревожила неизвестность. Корсаков покидал родину, семью, друзей, едва превратившись из беспечного юноши в серьёзного взрослого человека, облечённого ответственностью и обязанностями.

Известна история кончины Николая Корсакова. За час до смерти он сочинил эпитафию для своей могилы. Но во Флоренции не нашлось мастера, сумевшего бы вырезать на камне рус-

ские буквы, поэтому умирающий собственноручно начертил их для копирования на своё надгробие.

Александр Сергеевич Пушкин посвятил Николаю Корсакову несколько стихотворений, а также проникновенные строфы «19 октября»:

Он не пришёл, кудрявый наш

певец,

С огнём в очах, с гитарой

сладкогласной:

Под миртами Италии прекрасной

Он тихо спит, и дружеский резец

Не начертал над русскою могилой

Слов несколько на языке родном,

Чтоб некогда нашёл привет унылый

Сын севера, бродя в краю чужом...»

Так начал редеть круг лицейского

братства...

Николай Александрович отправился во Флоренцию осенью 1819 года и скончался от чахотки осенью 1820...

1820 год...

Подумать только, сколько всего впереди было тогда у лицейского братства, в том числе самое страшное — гибель Пушкина.

Но уже существует созданное Антоном Дельвигом дружеское объединение «Союз поэтов», готовятся увидеть свет альманахи «Северные цветы» и «Подснежник». Не появилось пока главное детище Дельвига, поддержанное Пушкиным и Вяземским — «Литературная газета», где будут анонимно напечатаны стихи их осуждённого друга Вильгельма Кюхельбекера (Кюхли).

Михаил Яковлев уже стал хранителем лицейского архива, и двери его квартиры открыты для дружеских посиделок бывших однокурсников.

Ещё Иван Пущин не привёз в Михайловское опальному Пушкину список комедии А. Грибоедова «Горе от ума». Не скоро и к самому Пущину примчится будущий великий канцлер Российской империи Александр Горчаков с загранпаспортом и предложением отправки за границу, дабы спасти Пущина от тюрьмы. Тот откажется, не желая предавать товарищей из тайного общества, и обвинённый по делу декабристов, будет сослан в Сибирь, где проведёт три десятилетия.

В ссылке закончит жизнь и их дорогой Кюхля.

Ещё Фёдор Матюшкин с Михаилом Яковлевым не отправили ссыльному Пущину в Сибирь пианино, а тот не написал в ответном письме Матюш-

кину: «Инструмент превосходный, дошёл до меня в совершенной исправности и всех восхищает. Одним словом, ура Лицею старого чекана! Это был вечером тост при громком туше. Портрет твой над фортепиано...»

Александр Пушкин пока не встретился на Кавказе с Владимиром Вольховским, а Константин Данзас (как и Вольховский) не отличился ещё в военных кампаниях того времени, не стал секундantom Пушкина, а позже — командиром поручика Михаила Лермонтова.

Егор Антонович Энгельгардт не сообщил своему любимцу Матюшкину: «Малиновский — дворянский предводитель в Изюмском уезде и, как слышно, очень много там делает добра, душа радуется...» Далёк ещё 1837 год, когда в Харькове Иван Васильевич Малиновский попросит царя облегчить участь декабристов.

Зато увидела свет поэма Александра Пушкина «Руслан и Людмила». Ещё только тревожит воображение поэта «Евгений Онегин», «Цыганы», «Борис Годунов», «Полтава», «Скупой рыцарь», «История Пугачёвского бунта», о которой Н. В. Гоголь пока ещё ничего не сказал.

Страшно подумать, что впереди долгие семнадцать лет до рокового зимнего дня, когда постигнет Россию тяжкая потеря: не станет главного её поэта, восторженного певца лицейского братства...

Через пятилетие только появится стихотворение Пушкина «19 октября», объединит дорогие лицейские имена, в том числе Корсакова и Матюшкина, и их такие разные судьбы. Одна — краткая, с предчувствиями испытаний, которые не случились. Другая — долгая, с тревогами, опасностями и преодолениями, которых хватило бы на десять отважных испытателей.

В унисон пушкинской поэзии просится сравнение судеб Матюшкина и Корсакова с лирическими стихотворениями. Одно — длинное, захватывающее, подобно героической балладе, другое — короткое, похожее на грустный романс. А сам Александр Сергеевич просто любил этих людей, отводя для них в душе лучшее место.

Светлана ГОЛУБЕВА,
г. Орёл